

зия в сказках, загадках, частушках просто неистощима: здесь и мотивы огородных работ, и мотивы ловли птиц и рыбы, и аналогии с явлениями растительного мира. Они часто обожествлялись, представлялись самостоятельными, живыми существами. Вряд ли правильно видеть за всем этим одну только пошлость. Эротический фольклор как бы говорит нам: «греховное», телесное начало в человеке не менее важная его часть, и очень часто именно оно привносит в нашу жизнь ощущение всей остроты и сладости человеческого бытия. Мы так привыкли, что предмет поэтического воспевания (хоть в авторской поэзии, хоть в фольклоре) обычно бывает любовь неосуществлённая, возвышенная. Вместе с тем известен (и публикуемые материалы как раз это и показывают) несколько иной народный взгляд на любовь. Любовь физическая, реальная — вот что может считаться наполнением жизни, вот что во многом определяет жизненный тонус человека, даёт ему максимум положительных ощущений.

Предлагаемые вниманию читателя сказки, бывальщины (народные анекдоты), заговоры, песни и частушки собраны составителями в 90-х годах в разных районах Прикамья. Главная их тема — вовсе не порнографическое смакование деталей эротической сферы человека. Гиперсексуальность, которую демонстрируют герои, есть на деле некий праздник, торжество плоти. За высвобождением эротической фантазии стоит психологическая и физическая естественность человека (вполне здоровая деревенская грубость здесь густо замешана в большинстве случаев на юморе). Поэтому, знакомясь со столь непривычным «неприличным» фольклором, нужно помнить, что эротическое в народной традиции не воспринимается исключительно как низменное, греховное и постыдное.

Иван Подюков

СКАЗКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ

Репкин сторож

Посеяли старик со старухой репу. Запросила старуха: «Посей да посей». Старик и посеял. А репа на диво выросла — такая хорошая, крупная. Говорит старик: «Старуха, у нас ведь репу-то украдут, такая хорошая уродилась». «Ничего, — говорит старуха, — я найду сторожа». Вот старуха свою кунку вырезала, посадила под лопушку, сторожить, ладно. Пришли солдаты репу-то воровать. Ну чё, дергают, а кунка под листиком сидит: «Тю, тю, вижу, хозяину скажу». «Кто же это, нигде никого нет. Кто это?» — солдаты-те думают. Дергали, дергали, да до неё и добрались. До кунки-то. Взяли да в мешок её положили. Принесли в казарму. Ну, всё. Принесли. «Куда, — говорят, — тебя посадить? Под стол?» Она кричать: «Нет, нет, под стол не сяду, меня там ногами затопчут». «Куда же тебя, — думают солдаты? — На стол, что ли? На столе будет смешно. На полку? На полку грешно». «А, — говорят, — тогда только во штаны». — «А вот, вот, тут моё место!» Вот куда солдаты её посадили, сторожа-то...

Такая природа

Свадьбу наладили парня с девкой. Девка-та уж была с ружья-то пробованная**, а жених опять пьяница был. Ладно, отгуляли свальбу, повели на подклет*** молодых. А жених-от успел бутылку со стола со свадебного тишком взять да унести, под постелю-ту поставить. Худо только заткнул, она пала да сколь-то вылилось. Вот, легли, девка боится: счас все узнают про её. А жениху не это надо, он бутылку добыл, пьёт, да видит, что тамо не полон. Он и говорит: «Кто-то уже до меня видно попробовал». А невестина-та мать стоит туто-ка, за дверью. Ей показалось, невесту так корят: кто-то де попробовал. Мать-то кричит: «Нет, нет, никто не попробовал. У нас-де такая природа такая — широкоп...е».

Шампанское

Жили муж с женой. У них был парень Колька. Мужик работает, баба дома. Завтра суббота, баба остаётся дома, печку то-

пит, полы мьёт, баню готовит. Баню истопила, полы вымыла. Всё. Мужик приходит с работы. Пришёл мужик с работы, по пути бутылку шампанского купил, с собой принёс: после баньки выпьем. Поужинали, за стол сели, он и говорит: «Баба, давай-ка по стакашку шампанского выпьем». — «Ты чё, завтра воскресенье, я шаньги настряпаю, тогда и выпьем». Так и не дала. Ага. Спать легли. Мужик снова к бабе: «Раз ты не даёшь шампанского, давай я сейчас буду тебя того». — «Ты чё,— говорит она,— после бани я чистая. Завтра воскресенье, ведь грех». Ладно. Мужик уgomонился вроде, да опять за свое, забadoжило** дак: понужал**, понужал, она не дает. А Колька, сын, спит на полатах. Мужик осердился на бабу, пошел, бутылку шампанского взял да и открыл. Как состукало (шампанское стучает ведь, когда пробку вышибат), парень Колька слез с полатей, да и говорит: «Вот, мамка, довыё...лась, у папы муде лопнули».

Корень жизни

Задумала себе императрица Екатерина мужика найти. Смотрит: в строю высокий стоит, она призвала его, спрашивает, а сама на грудь себе показывает: «Это что?» — «А это, матушка-императрица, грудь»,— говорит он.— «Иди, батюшка, не нужен». Призвала другого. Пришёл, маленькой, страшненькой, прыщавый. Императрица показывает себе на грудь, спрашивает: «Это что?» — «А это, матушка-императрица, молочная фабрика». — «А это?» — показывает императрица себе на её.— «А это пещера». — «А это что?» — спрашивает государыня, мужику на его показала.— «А это, матушка, корень жизни и смерти». — «О, батюшка, подходишь. Ну, давай, толкай свой корень жизни и смерти в эту самую пещеру».

За того выйду, у кого нету

Жили муж с женой, у них была девочка. Они не оберегаются, спят. Девочка это увидела. Только мать куда выйдет: «Папа, давай меня тоже, как маму». Мать зайдёт — она молчит. Только мать куда выйдет: опять за своё. Чего мужику делать? Он гвоздик накалил да на лобок и положил ей. Девка орать. Ну и чё? Жива осталась, растёт. Выросла, невестой стала. Стали парни

за ней ухаживать. Она всем говорит: «Никуда замуж не пойду, папа пробовал — больно». Один парень всё же сыскался, стал за ней ухаживать. «За того выйду, у кого нету». Вот какая нужда. Парень это услышал. Как-то раз корову гонит, а та не идёт прямо: то туда, то сюда. У девки окно открыто было, он увидел, да как заорёт: «У-у, кабы у меня был, так я бы сейчас тебя!» Девка услышала, что у него нет, решила взамуж за его пойти. Свадьбу сыграли. Спать надо ложиться, она и говорит: «У тебя же нету, как ты хочешь со мной управляться?» — «Да я у брата занял на одну-ту ночь». Ну, занял и занял, ладно. На другой день он и говорит: «Чего мы будем все занимать? Надо на рынке купить свой, чтобы не занимать». Договорились. Он собрал деньги, поехал на рынок. Она чё-то пошарилась, пошарилась на божнице, кричит: «Иван, ещё вот пять копеек, может не хватит». С рынка пошли в баню. Ну и того. Она всё разглядывает, всё высматривает: «А это чего у тебя ещё тут болтается?» — «Да,— говорит парень,— пять копеек-то дала, дак довесок ещё дали. С довеском продали».

Полтора метра

Раньше ребята, кто родился, до двадцати лет ходили без штанов, пока не женили. Ходили голые, где поср...ть надо, там поср...т. Одна девка бегала, увидела одного парня, Ваньку, у него вот такая штука. Она и говорит: «Ванька, тебе пора жениться». — «Как пора жениться?» — «Жениться надо». Ванька домой прибегает, он один сын был, говорит: «Папа, мне, говорят, жениться надо». — «Уж двадцать лет, Ванька, тебе, можно. Иди женись, нашел кого?» — «А там девка возле церкви, через лесок от деревни». Он рассказал всё. Старик говорит: «Я их знаю, род хороший (раньше-то по роду брали), пойдём свататься. Не сегодня, завтра пойдем». Порешили. Матушку отправили в магазин: надо купить матерьялу, брюки сшить, раз без брюк до того ходили. Красного матерьялу купили, на флаги который был, сошили парню брюки, ещё полтора метра осталось. Поехали свататься. Едут лесечком прямо. Парень говорит: «Папа, я хочу по-тяжелому». — «Иди, сбегай быстро». Отец-от не подумал, что сын штаны-то не снимет. А он без штанов ходил, привык. Ну, все в штаны и сделал. Пришлось снять штаны, снял с себя да

на сучок и повесил. Без штанов папу догоняет, так штаны и оставил там. Догнал, сзади на телегу прыгнул. Едут. Приехали к невесте в дом, сватают. Невеста из-за заборки** выглядывает: он распахнулся, а у него все видно. Ванька хлопнул себя по середине: «Понравилось? У меня дома еще полтора метра осталось».

Чудо-диво

Раньше солдатня служила двадцать пять лет, с дорогой и обратно, так и считалось. Вот солдат идёт служивый, идёт, значит, шагает домой. Приходит до Яика, как у нас Язьва, тутока река, к берегу приходит, а никого нет. Перейти вброд не может. Смотрит, поп рыбачит. «Батюшка,— кричит,— перевези меня. Я тебе чудо-диво покажу». — «Ты чего мешашь-кричишь, всю рыбу тут у меня распугаешь». — «Перевези, я тебе чудо-диво покажу дома». — «Покажешь?» — «Покажу». — «Ладно, солдатушко». Он его повёз. Подплывают. «Точно покажешь?» — «Покажу на том-то берегу». Переплыли. А раньше попы-те такие были, им всё бы узнать, в чём дело-то, какое такое чудо-диво. Спрыгнул на берег солдат, а поп-то: «Ну, какое такое чудо-диво?» — «Давай, батенька, лодку-то выдернем на берег». Выдернули. А солдат из штанов-то его достаёт, да вдоль лодки как ё...нул, и лодка напололам. Поп-от сам напрашивался. Ладно. «Пошли, батюшка, пошли домой, мне бы переночевать где». — «Пойдём, у меня соседка есть хорошая, у неё переночуешь». Идут шагают. Поп надулся, как таракан: всё ему солдат не солдат: чудо-диво показал — лодку сломал. Пришли. Поп говорит: «Всё, до бабушки пришли. Вон где она живёт. Иди заходи». А сам домой пошёл, солдат ко старушке. Старушка его приняла, напоила, накормила. Он на печку свалился спать. Поп домой приходит, а матушка спрашивает: «О, батюшка, рыбы принёс?» — «Х... сегодня не рыба, больше не принесу». — «А чё тако достало?» — «Вот с армии служивый шёл и мне чудо-диво показал. А я, дурачок, с им и нарвался: лодку мне расколол. Нет больше лодки». — «Чем расколол?» — «Чудо-диво из штанов достал да ё...нул поперёк». Смекнула старая, что за чудо-диво, говорит: «Это у меня двоюродный племянник, позвал бы ты его в гости. Иди, приведи его, где он?» — «Да он у бабушки Алёны спит». — «Иди приведи сейчас же. Я с им скоко не видалась». Поп ушёл, а ма-

тушка на стол всё жарено-парено приготовила, сидит ждёт. Батюшка пришел к старушке, а солдат на печке лежит, отдыхает. «Ванька, вставай, оказывается, ты моей матушке свой. Иди погости, тебе всё хорошо будет». Догадался Ванька, чем свой. Согласился. Приходят. Поп вперед заходит. Ваня заходит, попадья набрасывается всей душой, в губы его, да всё хорошее. Ванька догадался, в чём дело. Она за стол его: «Садись, выпей-ка». Выпили, закусили. Больше водки не стало, а магазины еще работают. Матушка кричит: «Батюшка, сбегай за водкой, купи. Сколько мы не видались, поить его надо, братишку-то, он хороший». Батюшка матушку послушал, убежал в магазин. Пока бегал — они кокнулись. Она деньги достаёт и даёт ему: «Молчи, молчи, на тебе деньги». К этому времени батюшка пришёл, ещё выпили. Ванька говорит: «Я спать хочу, отдохну маленько». — «Я тоже притомилась, — говорит попадья. — Батюшка, ты сегодня ложись на эту койку, а на печку-то мы ляжем с Ванькой. Давно не видались, поразговариваем. Ты спи, а мы мешать тебе не будем». Уснули будто бы — там всяко попробовали. Матушка утром говорит: «Батюшка, Ванька пусть погостит ещё у нас одну недельку. Мы потом его проводим». Ванька гостит, а ему бы сорваться быстрее, попадья денег-то надавала. Пришло время. «Вот сегодня Ванька едет, — говорит попадья, — давай, мы его проводим, батюшка». Идут проводить его. Дошли до первого лога. Поп говорит: «Я устал, всё, больше идти не могу». Попадья: «Ну, ладно, ты отдыхай, а я его провожу до второго лога. А если, случай чего, махать будем, ты уж не подведи, помахай». Дошли до второго лога без попа. Попадья солдату говорит: «Мы с тобой всяко пробовали, а сейчас будем так: я ноги подниму, а ты шапку повесь на них. Я подмахивать буду, а батюшка приметит, обрадуется, тоже помахнет». Те лопатятся, а поп им махает. Махал, махал, чуть с ума не сошёл.

Скромная фамилия

Раньше попы нанимали тоже работников, там пшеничку сеять, рожь убирать. Один Ванька такой нашёлся работник. А у попа денег много. Ванька и думает, как бы их украсть. И фамилию свою не называет, всё Ванька, Ванька, а какой Ванька, никто не знает. Он работает честно, а сам думает, где бы ключи дос-

тать: деньги украсть и убежать. Вот работает Ванька, так работает, поп не может нарадоваться: «Вот у меня работник какой: пшеничку жнёт, рожь молотит. Девка у меня есть, даже с девкой не связывается». А Ваньке вовсе она не нужна: «Не хочу тут мараться». Всё. Живёт. Один раз поп правил себе день рождения и работника пригласил: «Знаешь, Ванька, ты всё Ванька, Ванька, а есть у тебя фамилия какая или нет, ты скажи мне». — «Ой, беда, батюшка, я скажу, ты посмеёшься. У меня фамилия поганая, будешь смеяться надо мной да над матушкой. Дочери скажешь, жене — они смеяться будут. Я тебе не скажу». — «Ты мне одному скажи. Я молчать буду, честное слово». — «Не скажешь?» — «Не скажу». Ванька тогда и говорит: «Зае...увсех». Дивная какая фамилия. Поп знает, какая фамилия, а бабка не знает, и дочь не знает. Бабка стряпает, работник робит. «Ванька, Ванька, ты хороший работник, а фамилия-то есть у тебя?» — «Да есть». — «Ну, скажи». — «Ой, матушка, я тебе не скажу. Ты смеяться будешь, батюшка узнает, дочь узнает, тоже смеяться будут. У меня скромная фамилия». — «Ты мне скажи, я никому не скажу, я слово даю». Он и говорит: «Е...тьсяохота». Ладно. Тут дочь. Она помогает Ваньке, смеется над ним, а он с ней связываться не хочет: «Найду себе таких хреновниц ещё». Она раз и говорит: «Ванька, Ванька, тебя все — Ванька, Ванька, а фамилия как у тебя, не говоришь. Знала бы я тебя: работник ты хороший». — «А я бы тебе сказал, да ты батюшке скажешь, матушке — смеяться будете. У меня фамилия особная — Кункачешется. Только ты не говори никому, ладно?» Как-то раз вечер был. Хороший такой вечер, сидят, пируют. Поп пригласил Ваньку. Все его зовут Ванька да Ванька, а фамилию не говорят. Ванька подглядел, куда поп ключи повесил. Вот поп упал пьяный, свалился, Ванька, раз, ключи взял, открыл шкаф, взял деньги, ключи — на место и убежал. Потеряли Ваньку. А Ванька у барина у одного кучером заделался. Этот барин раз и говорит: «Пойдем молиться». А Ванька отвечает: «Я туда не пойду, поп там беспомощный**». Не, не поеду». — «Поедем. Ежели поп дурак, ты лошадей не выпрягай». Подъехали, остановились, зашли в церковь. Поп молится, жена его тут, а девка-то, дочь-та их, заметила Ваньку и матушке на ухо: «Мама, мама, Кункачешется!» Мать ей в ответ: «Почеши да и постой». После сама попадья увидела

Ваньку, как закричит: «Батюшко, Е...тьсяохота!» Там все молятся, поп-от ей тихонько: «Ты чего, бл..., обедню проведём, дак после». Ладно. Опять стоят, молятся, а когда народ уже из церкви стал выходить, поп сам заметил Ваньку. Заметил да как закричит: «Зае...всех!». Тут все бежать, кто куды хочет. Одна старуха упала под порогом: «Батюшко, меня хоть не е..., я уж старая!»

Иванушко-простота

Жили-были дед да баба. У их был сыночек один, но он маленько был недоразвитой, как Иванушком звали. Ну и вот, он подрос уже, в школу ходить начинал, учился. А тожно мать его повела в церковь. Он в церковь сходил, ему понравилось. Следующий праздник подошёл, матери некогда идти стало, значит: «Ты, Иванушко, иди хоть сегодня в церковь сходи. Сегодня воскресенье». Он пошёл в воскресенье в церковь, идет и видит: мужик пашет на полях. Ваня говорит, ну мать-то как была у него религиозная, дак он так маленько-то знал, но все-таки он был маленько не совсем жо. Он и говорит мужчине-то: «Дай тебе Бог сторицу да метлицу, а не хлеб, что родился, сегодня воскресенье, надо в церковь идти Богу молиться, а ты пашешь». Мужик осердился да его плёткой нахлестал. Иванушко вернулся домой, идёт, мать его и спрашивает:

— Чего ты ревёшь?

— А вот там дядька пахал, я ему вот чего сказал.

— Да дурак ты, дурак! Ты бы сказал: «Дай тебе Бог носить да не выносить, возить да не вывозить».

— Ой, дак я, мамка, пойду сейчас скажу.

Пошёл, несут опять покойника как раз. Он тожно им и говорит: «Дай вам Бог носить да не выносить, возить да не вывозить» Его опять тут настукали. Тожно пришёл опять домой, ревет. Мать опять спрашивает, он ей и говорит:

— А вот ты сказала, мамка, я так и сказал.

— Да дурак ты, дурак! Ты бы взял да покрещал, да песенки попел, дак тебе бы хоть конфетки дали бы, да пива налили, для чего у них вино с собой.

Он: «Мамка, мне-де жалко, я пойду-де». Побежал, опять горит гумно, все заливают с ведрами. Он побежал, давай плясать,

песни петь. Думают, что он поджег: «Что ты это, дурак, тут горит. Надо заливать, а ты чё это делаешь?» Опять ему попало, этому парнишке. Пришёл домой, опять матери и говорит, мать спрашивает, он и говорит: «Да вот чё». А она ему в ответ: «Дак ты бы взял ведро у кого бы попросил да заливал бы, воду-то носил». — «Ой, мамка, я возьму ведро и в ём пойду заливать, помогу».

Побежал с ведром заливать, дядька опять свинью палит. Раньше палили их. Ванька пришёл опять с ведром-то, у него залил. Дядька взял да настукал его. Ванька опять домой идёт, ревёт. Пришёл домой, мать опять спрашивает, она ему:

— Да дурак ты, дурак! Ты бы подошёл да сказал: «Дай тебе этим кусочком разговеться в Христов день».

— Ой, мамка, я пойду скажу.

— Ну, ступай, так и скажи.

Он ушёл. Дядька сидит на кокорках, управлется по-большому. Сидит: «Выкладывай!» Ванька ему: «Дай тебе Бог этим кусочком разговеться в Христов день». Тот опять его налопал. Иванушко домой приходит, опять ревёт. Мать ему:

— Да дурак ты, дурак. Да ты бы шел да плюнул только на его. Не на его хоть, а прошёл маленько, да и плюнул.

— Пойду, мамка, пойду плюну.

— Ну, ступай.

Ванька ушёл. Опять служат молебен. Вышли все с иконами, на полях раньше служили, пошли все ко кресту, батюшка крест держит, значит, Ванька тоже подошел да ему на крест плюнул. Батюшка его крестом опять стукнул. Тожно Ванька пришел домой, опять ревет. Мать его ему и говорит:

— Да дурак ты, дурак! Ты бы перекрестился да поцеловал.

— Ой, мамка, пойду поцелую.

Пошёл. Лошадка стоит, кобылка, да стит, хвост оттянула. Ванька перекрестился, взял да и поцеловал. Кобылка как лягнёт его, тут парня насмерть и убило.

Ванька-Манька

Поп служил в одной церкви, а там у его монашки были — певцы. И вот был один Ванька, решил он ухитрить этих монашек. Уделать хоть одну. Оделся в монашку, Манькой назвался и

вместе с ними пошёл в баню. А свой этот прибор сюда привязал — на плечо, чтобы не видели. Шнурком. Они чё — ниче ведь такое не знают, ещё не видели этого прибора никогда в жизни. А мыться стал, развязал шнурок-от. Прибор-от у него значит висит. Монашки спрашивают: «Манька, что такое?» — «Это у меня приборчик слатенький». — «Как слатенький?» — «Счас покажу. Ложитесь». Одной показал, другой. Восемь монашек было, всем показал этим прибором. Стали так и жить. Живут месяц, два, три, год. А растут же брюшка-те. Поп заметил: «Ага. В чём дело?» — «Да у Маньки есть прибор слатенький. Он нам его показал, этот прибор». — «А где он его держит?» — «В штанах, батюшка, в штанах, никому не кажет, а нам кажет». Ну, поп этих монашек погнал. Тут Ванька бежит по дороге. Они батюшке показывают: «Вот Манька, она с собой ключ таскает от приборчика, им он открыватся». Поп спрашивает: «А какой у его ключ?» — «Да пойдём, отберём». Ванька бежит от их, тут речка, по мосту надо. Он бежал-бежал да камень в воду бросил. Они все думают, он ключ-от их выбросил. Полезли в воду, давай искать. Поп туда же — и штаны снял, ищет. Одна монашка посмотрела на его, видит: у его тоже меж ног висит: «Батюшка, ты видно нашёл ключ, а молчишь». Хватает его за ключ-от и эдак давай с им заниматься. Тут поп понял, какой у Маньки ключ был.

На том свете

Три старухи умерли, попали на тот свет. Первую там спросили: «Что делала?» — «Пряла и пряла», — ответила она. — «Иди в ад». Вторую спрашивают: «Чем занималась?» — «Пряла и пряла». — «Тоже во ад». Третью спрашивают: «Чем занималась?» — «Е...лась и е...лась». — «Тогда, пожалуйста, пойдёмте ко мне в кабинет».

Старуха причитала...

Умер старик. Старуха кричит, причитает: «Поцеловала бы я тебя в ручки, да не видала от тебя получки. Поцеловала бы я тебя в глазки, да не видала от тебя ласки. Поцеловала бы я тебя в губки, да всю жизнь держался ты за чужие юбки». Люди у гроба стоят и говорят: «Поцелуй ты его в лоб, хоть х...во, да ё...»